

·the big book·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ВЛАДЫКИ РИМА

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК В РИМЕ

БИТВА ЗА РИМ

ФАВОРИТЫ ФОРТУНЫ

ЖЕНЩИНЫ ЦЕЗАРЯ

ЦЕЗАРЬ, ИЛИ ПО ВОЛЕ СУДЬБЫ

ПАДЕНИЕ ТИТАНА,
ИЛИ ОКТЯБРЬСКИЙ КОНЬ

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

КОЛИН МАККАЛОУ

ПАДЕНИЕ ТИТАНА, ИЛИ ОКТЯБРЬСКИЙ КОНЬ

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44
М 15

Colleen McCullough
THE OCTOBER HORSE
A Novel of Caesar and Cleopatra
Copyright © 2002 by Colleen McCullough
Originally published by Simon & Schuster, Inc.
All rights reserved

Перевод с английского Антонины Костровой

Иллюстрации Колин Маккалоу

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Карты выполнены Вадимом Пожидаевым-мл.

Маккалоу К.

М 15 Падение титана, или Октябрьский конь : роман / Колин Маккалоу ; пер. с англ. А. Костровой. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 928 с. : ил. – (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-17307-1

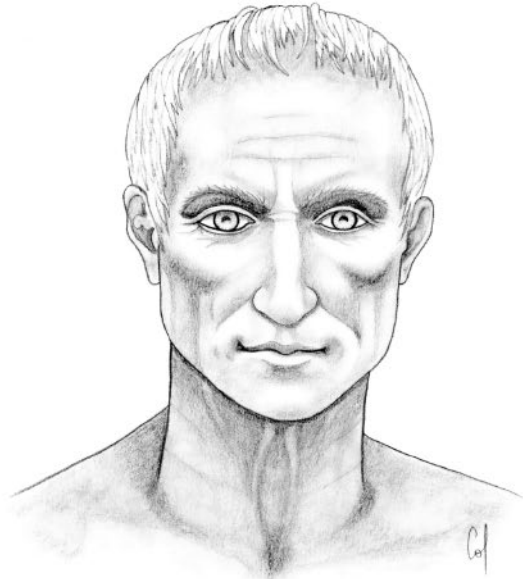
Грандиозный по своему замыслу и яркий в деталях, шестой роман Колин Маккалоу из цикла «Владыки Рима» переносит читателей в сложный и увлекательный мир последних дней Римской республики. На пике своего могущества Гай Юлий Цезарь оказывается втянутым в гражданскую войну в Египте, где он очарован Клеопатрой, золотоглазой царицей этой страны. Однако долг призывает его забыть свою любовь и вернуться в Рим, где власть его кажется непоколебимой, но на деле зиждется на зыбкой почве: у Цезаря нет наследника, а потому преемником его может стать любой, у кого достанет храбрости свергнуть могущественного правителя. Близятся Мартовские иды, а следовательно, драматическое завершение одной из самых ярких историй, какие помнит человечество.

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

© А. П. Кострова, перевод, 2011
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-17307-1

*Послу Эдварду Дж. Перкинсу
и Уильяму Дж. Кроу, профессору политологии
Университета Оклахомы,
за верность долгу и все невоспетые заслуги —
с любовью и восхищением*

GAIUS JULIUS CAESAR

Список карт и иллюстраций

Карты

Александрия	42
Египет	128
Римская Сирия	222
План Палатинского холма	379
План Рима	395
Дороги Италии	632
Передвижения войск	704–705
Греция, Фракия, Македония и провинция Азия	802–803

Иллюстрации

Гай Юлий Цезарь	6
Клеопатра	12
Марк Порций Катон	142
Марк Антоний	264
Фульвия	334
Порция	334
Кальпурния	334
Марк Туллий Цицерон	364
Децим Юний Брут	424
Гай Требоний	424
Марк Юний Брут	500
Гай Октавий	610
Марк Эмилий Лепид	732
Луций Юлий Цезарь	732
Гай Кассий Лонгин	774
Гай Юлий Цезарь Октавиан	830
Марк Випсаний Агриппа	830

Октябрьские иды отмечали конец сезона военных кампаний, и в этот день устраивались скачки на траве Марсова поля, сразу за Сервиевой стеной республиканского Рима.

Лучших боевых коней года впрягали парами в колесницы и на бешеной скорости гнали вперед. Правый конь победившей пары становился Октябрьским. Специальный жрец бога войны Марса, *flamen Martialis*, согласно ритуалу, убивал его копьём. Затем Октябрьскому коню отрезали голову и гениталии. Гениталии сразу уносили, чтобы окропить кровью священный очаг в Регии, старейшем храме Рима, после чего отдавали весталкам, которые сжигали их в священном пламени Весты. Пепел смешивали с тестом, из которого пекли лепешки, подносимые богам в годовщину основания Рима его первым царем Ромулом. Голову же коня бросали в толпу, состоящую из двух противоборствующих команд — жителей Субуры и Священной дороги. Если трофеем завладевала Субура, его прибавляли к стене башни Мамилия, если Священная дорога — к стене Регии.

Этим ритуалом, таким древним, что никто не помнил его истоков, Рим отдавал дань двойной силе, на которой зиждились его мощь, его процветание, его слава, — войне и земле. Заклание Октябрьского коня было одновременно и прощанием с прошлым, и взглядом в грядущее.

I

ЦЕЗАРЬ В ЕГИПТЕ

Октябрь 48 г. до Р. Х. — июнь 47 г. до Р. Х.

1

— Я был прав, это просто небольшое землетрясение, — сказал Цезарь, отодвигая бумаги.

Кальвин и Брут удивленно подняли головы.

— О чем это ты? — спросил Кальвин.

— О знамениях, указывающих на мою божественную природу, Гней! Статуя Победы поворачивается в Эпире, звон мечей и щитов слышен в Антиохии и Птолемаиде, грохот барабанов — в храме Афродиты в Пергаме, припоминаете? Боги обычно не вмешиваются в людские дела, а уж для того, чтобы разбить Магна при Фарсале, им и вовсе незачем было себя утруждать. Поэтому я провел несколько расследований в Греции, на севере провинции Азия и в Сирии, на реке Оронт. Все эти знамения случились в один день, в один и тот же момент — небольшое землетрясение, и только. Такое бывает. Статуи странно ведут себя, в земных недрах что-то грохочет. Это в Италии не раз отмечали жрецы.

— Ты спускаешь нас на землю, Цезарь, — усмехнулся Кальвин. — Я только начал думать, что работаю на бога. — Он посмотрел на Брута. — Ты тоже разочарован, Брут?

Большие печальные глаза под тяжелыми веками были серьезны. Брут задумчиво посмотрел на Кальвина.

— Не разочарован и не огорчен, Гней Кальвин, хотя я тоже не думал о естественной причине. Я просто посчитал все эти сообщения лезтью.

Цезарь поморщился:

— Лезть — это еще хуже.

Все трое сидели в удобной, хоть и не роскошно обставленной комнате, которую этнарх Родоса предоставил им для работы. Окно выходило на шумную гавань этого цветущего острова Эгейского моря, где пересекались многие морские пути. Приятный пейзаж: множество кораблей, синева водной глади, горы Ликии на горизонте. Но никто в окно не смотрел.

Цезарь сломал печать на очередном письме.

— С Кипра, — пояснил он, прежде чем его подручные вернулись к работе. — Клавдий-младший сообщает, что Помпей Магн отплыл в Египет.

— Я был готов биться об заклад, что он присоединится к своему двоюродному брату Гиру при дворе парфянского царя. Что ему нужно в Египте? — удивился Кальвин.

— Вода и провизия. Если он и дальше будет плыть с такой скоростью, то пассатные ветры задуют прежде, чем он покинет Александрию. Думаю, Магн намерен присоединиться к остальным беглецам в провинции Африка, — сказал Цезарь с легким сожалением.

— Значит, ничего не кончилось, — вздохнул Брут.

— Это может закончиться в любой момент, — прозвучал резкий ответ. — Стоит только Магну и его «сенату» прийти ко мне и сказать: «Да, Цезарь, мы были не правы. У нас не имелось никаких оснований не позволять тебе баллотироваться на консульскую должность *in absentia!*»

— О, ты напрасно ждешь здравомыслия от таких людей, как Катон, — заметил Кальвин, игнорируя демонстративное молчание Брута. — Пока он жив, ничего подобного ни от Магна, ни от его сената ты не дождешься.

— Я это знаю.

Цезарь пересек Геллеспонт три рыночных интервала назад и поплыл к югу, следуя вдоль восточного берега Эгейского моря, чтобы посмотреть, насколько бедственно положение провинции Азия после того, как по ней прошли республиканцы, лихорадочно собирая флот и деньги. Из храмов были изъяты самые ценные сокровища, были взломаны и опустошены хранилища банков, плутократов и сборщиков налогов. Метелл Сципион, правитель Сирии, а не провинции Азия, поспешая к Помпею в Фессалию, остановился здесь и незаконно обложил налогами все, что пришло ему на ум: окна, столбы, двери, рабов, неимущих, зерно, скот, оружие, артиллерию и передачу земли. Когда и этого оказалось мало, он ввел и собрал временные налоги на десять лет вперед, а протестующих публично казнил.

Хотя депеши, доходившие до Рима, больше касались разнообразных подтверждений божественной природы Цезаря, чем столь приземленных вещей, его поездка имела своей целью установить факты и предпринять необходимые меры, чтобы помочь

разоренной провинции оправиться, ибо она уже была не в состоянии сама залечить свои раны. Цезарь поговорил с городскими главами и торговцами, упразднил институт откупщиков, отменил налоги на следующие пять лет, издал приказ вернуть найденные в шатрах в Фарсале сокровища тем храмам, откуда их взяли, и пообещал, что, как только будет организовано новое правительство в Риме, он примет определенные меры для помощи несчастной провинции.

Вот почему все в провинции Азия склонны считать его богом, думал Гней Домиций Кальвин, наблюдая, с каким тщанием Цезарь здесь, на Родосе, изучает бумаги, завалившие его стол. Последним человеком, что-то смыслящим в экономике и имевшим дело с этой провинцией, был Сулла, чья справедливая система налогообложения была отменена через пятнадцать лет после введения, и сделал это не кто иной, как Помпей.

«Может быть, — размышлял Кальвин, — определять обязанности Рима по отношению к зависящим от него территориям должны именно представители древних патрицианских родов. Наши же связи с прошлым не столь крепки, поэтому мы заботимся больше о настоящем, чем о будущем. В последние дни Цезарь выглядит очень усталым. Нет, он, как всегда, в форме, подтянутый и опрятный, но усталость видна. Поскольку он ест только здоровую пищу и не берет в рот вина, ему не приходится сожалеть об излишествах, и его по-прежнему освежает даже короткий сон. Беда в том, что он взваливает на себя непомерно много работы, а помощников, которые пользовались бы его полным доверием, не хватает. Взять хотя бы Брута», — угрюмо подумал Кальвин (ему Брут не нравился). Он великолепный финансист, но вся его энергия направлена на защиту интересов ростовщической конторы «Матиний и Скаптий», которую, в сущности, следовало бы назвать «Брут и Брут»! А это вовсе не пристало сенатору. Каждый влиятельный человек в провинции Азия должен «Матинию и Скаптию» миллионы, и то же относится к царю Галатии Дейотару и царю Каппадокии Ариобарзану. Поэтому Брут ворчит, и это раздражает Цезаря, а он ненавидит, когда его раздражают.

— Десяти простых процентов недостаточно, — горестно вздыхает Брут. — Это просто пагубно для римских дельцов.

— Тогда твои римские дельцы — не дельцы, а презренные ростовщики, — хмурится Цезарь. — Сорок восемь сложных про-

центов — это преступление, Брут! Именно такой барыш твои ставленники Матиний и Скаптий намеревались получить с жителей Саламина на Кипре, а когда они не смогли заплатить проценты, их уморили голодом. Наши провинции должны быть экономически стабильными, чтобы вносить свою лепту в благополучие Рима.

— Заимодавцы не виноваты, что должники соглашаются на такие условия, — возражает обиженно Брут. — Долг есть долг, и его надо возвращать с теми процентами, на какие договорились. А теперь ты объявил незаконными многие добровольно подписанные контракты!

— Ростовщичество всегда было преступлением. Ты, Брут, славен своими эпитафиями — кто еще сумел бы втиснуть всего Фукидида в две страницы? Уж не пытаешься ли ты теперь ужать Двенадцать таблиц в одну коротенькую страницу? Если это *mos maiorum* подтолкнули тебя встать на сторону твоего дяди Катона, тогда ты должен помнить, что законы Двенадцати таблиц вообще запрещают брать с займов проценты.

— Это было шестьсот лет назад.

— Если занимающие согласны на грабительские условия займа, значит им вовсе не следует давать займы, и тебе это понятно. На самом деле ты, Брут, жалуешься на то, что я запретил римским ростовщикам нанимать войска или ликторов, чтобы собирать долги силой.

И так изо дня в день.

Конечно, для Цезаря Брут был проблемой. Цезарь взял его под крыло после Фарсала, во-первых, из-за бывшей любви к Сервиллии, его матери, а во-вторых, чувствуя вину за то, что разорвал помолвку Брута со своей дочерью Юлией, чтобы заполучить Помпея. Он понимал, что тем самым разбил бедному юноше сердце. Но Цезарь не ведал, что за человек Брут, когда пожалел его после Фарсала. Они не виделись двенадцать лет, и Цезарь не знал, что прыщавый юнец, превратившийся теперь в прыщавого мужчину тридцати шести лет, был трусом на поле битвы и львом, когда дело касалось защиты его ошеломляющего состояния. Никто не смел сказать Цезарю то, о чем судачили все: при Фарсале Брут бросил свой меч, так и не обагрив его вражеской кровью, и отсиживался в болоте, а потом первым кинулся победителю в ноги. «Нет, — твердо сказал себе Кальвин, —

мне не нравится трус Брут, и глаза бы мои на него не глядели! Называет себя республиканцем, вот уж действительно! Это просто звучное имя, каким все они думают оправдать гражданскую войну, в которую ввергли Рим».

Брут поднялся из-за стола.

— Цезарь, у меня назначена встреча.

— Тогда иди, — был ответ.

— Значит ли это, что червяк Матиний на Родосе? — спросил Кальвин, когда внизу хлопнула дверь.

— Боюсь, что да.

Морщинки собрались у внешних уголков голубых глаз, необычных из-за черных ободков по внешнему краю радужки.

— Веселей, Кальвин! Скоро мы избавимся от Брута.

Кальвин улыбнулся в ответ:

— Что ты хочешь с ним сделать?

— Оставлю во дворце правителя в Тарсе. Это наш следующий — и конечный — пункт назначения. Я не могу придумать более подходящего наказания для Брута, чем заставить его вернуться к Сестию, у которого он украл два легиона в Киликии, чтобы привести их к Помпею Магну. Сестий вряд ли об этом забыл.

Один короткий приказ — и все завертелось. На другой день Цезарь покинул Родос и отплыл к Тарсу с двумя полными легионами и с тридцатью двумя сотнями ветеранов, собранных из остатков его старых легионов, главным образом шестого. С ним шли восемьсот германских всадников на прекрасных лошадях ремов и горстка воинов-пехотинцев убиев, отменных метателей копий.

Разрушенный стараниями Метелла Сципиона Тарс продолжал как-то существовать под опекой Квинта Марция Филиппа — младшего сына Луция Марция Филиппа, племянника Цезаря и тестя Катона, эпикурейца, вечно колеблющегося и не знающего, на чью сторону встать. Похвалив молодого Филиппа за здравомыслие, Цезарь тут же посадил Публия Сестия обратно в курульное кресло наместника и назначил Брута его легатом, а Филиппа-младшего — проквестором.

— Тридцать седьмой и тридцать восьмой легионы нуждаются в отдыхе, — сказал он Кальвину. — Помести ребят на шесть ры-

ночных интервалов в хороший лагерь в горах над Киликийскими воротами, а потом вместе с военным флотом пошли в Александрию. Я буду ждать их там, мы пойдем на запад и выгоним республиканцев из провинции Африка, прежде чем они уютно устроятся в ней.

Кальвин, высокий светловолосый и сероглазый мужчина лет пятидесяти, ни на мгновение не усомнился в этих распоряжениях. Решения Цезаря всегда оказывались единственно верными. Кальвин, всего год назад присоединившийся к Цезарю, видел достаточно, чтобы понять, что это именно тот человек, к которому будут стремиться все мудрые люди, если они хотят добиться успеха. Консервативный политик, который должен бы был примкнуть к Помпею Великому, Кальвин выбрал Цезаря, после того как смертельно устал от слепой враждебности таких людей, как Катон и Цицерон. Поэтому Кальвин поехал в Брундизий, нашел там Марка Антония и попросил переправить его к командующему. Антоний немедленно согласился, зная, что Цезарь обрадуется переходу на его сторону столь уважаемого консулара, как Кальвин.

— Ты желаешь, чтобы я оставался в Тарсе, пока не дождусь известий от тебя? — спросил он.

— Как хочешь, Кальвин, — ответил Цезарь. — Я скорее склонен считать тебя моим «кочующим консуляром», если в природе имеется такой зверь. Как диктатор, я сегодня же соберу тридцать ликторов и в их присутствии наделю тебя неограниченным империем во всех землях восточнее Греции. Это даст тебе власть над наместниками провинций и право набирать повсюду войска.

— У тебя какие-то предчувствия, Цезарь? — спросил Кальвин, хмурясь.

— Предчувствий у меня нет, если под предчувствиями ты понимаешь свербеж в мозгу сверхъестественной природы. У меня это скорее ощущения, вызванные мимолетными событиями, которые я не удосужился как следует обдумать, но тем не менее застрявшими в голове. А потому прошу тебя: смотри в оба, чтобы не пропустить чего-то необычного, и внимательно слушай, не свистнет ли на горе рак. Если такое случится, значит что-то где-то не так. Тогда применяй свою власть и действуй в мое отсутствие.

И наавтра, в предпоследний день сентября, Гай Юлий Цезарь поплыл по реке Кидн в Наше море, где его подхватил северо-западный ветер и погнал на юго-восток, что и требовалось. Три тысячи двести ветеранов и восемьсот конников с лошадьми теснились на тридцати пяти транспортах, ибо военные корабли остались в ремонтных доках.

Два рыночных интервала спустя Кальвин, «кочующий консуляр», наделенный неограниченными полномочиями, собрался в Антиохию посмотреть, во что превратилась Сирия после правления Метелла Сципиона. Но тут в Тарсе на взмыленном скакуне прибыл курьер.

— Киммерийский царь Фарнак со стотысячным войском вторгся в Понт у Амиса! — сообщил он, отдышавшись. — Амис горит, а Фарнак объявил, что намерен отвоевать все земли отца, от Малой Армении до Геллеспонта.

Кальвин, Сестий, Брут и Квинт Филипп оцепенели.

— Еще один Митридат, — глухо произнес Сестий.

— Вряд ли, — возразил Кальвин, приходя в себя. — Сестий, мы выступаем. Квинт Филипп отправится с нами, в Тарсе останется Брут. — Он посмотрел на Брута так грозно, что тот отшатнулся. — А ты, Марк Брут, хорошенько запомни мои слова: в наше отсутствие никаких сборов долгов! У тебя будет империй пропретора, но, если выяснится, что хоть один ликтор попытался по твоему указанию кого-нибудь обобрать, я вздерну тебя за яйца! Или, если их не окажется, за что-нибудь другое!

— Это по твоей вине, — сердито добавил Сестий, — в Киликии не осталось обученных легионов, так что твоей главной задачей будет вербовать и обучать солдат. Слышишь меня? — Он повернулся к Кальвину. — А что Цезарь?

— Возникает проблема. Он велел отправить к нему два отпусковых легиона, но я теперь не могу этого сделать. Не думаю, что и он в такой ситуации захотел бы лишиться Анатолию всего регулярного войска. Поэтому я пошлю ему тридцать седьмой, а тридцать восьмой возьму с собой на север. Мы заберем его у Киликийских ворот, потом пойдем в Евсевию Мазаку к царю Ариобарзану, которому придется собрать для нас армию, какой бы бедной сейчас ни была Каппадокия. Я также пошлю гонца к царю Дейотару в Галатию с приказом найти в своих землях

как можно больше воинов, а затем ожидать нас на реке Галис, ниже Евсевии Мазакки. Отправлю гонцов в Пергам и Никомерию. Квинт Филипп, пришли ко мне писарей, и побыстрее!

Приняв такое решение, Кальвин все же не обрел спокойствия. Хотя Цезарь и намекнул, что Анатолию ждут неприятности, однако отдал распоряжение прислать к нему в Александрию именно два легиона, а никак не один. Что же придумать, чтобы не сорвать его планы похода в провинцию Африка? Может быть, обратиться в Пергам, к еще одному сыну Митридата Великого?

Его тоже звали Митридат, и он был союзником римлян во время кампании Помпея по зачистке Анатолии после тридцатилетней войны Рима с его отцом. Помпей наградил его полосой плодородной земли вокруг Пергама, столицы провинции Азия. Этот Митридат царем не был, но в границах своей маленькой сатрапии он не отвечал перед римским законом. Будучи клиентом Помпея, он помогал патрону в войне против Цезаря, но после Фарсала послал вежливое извинительное письмо Цезарю, прося прощения и привилегии стать клиентом Цезаря. Письмо позабавило Цезаря и очаровало. Он ответил Митридату Пергамскому, что тот прощен и что отныне он входит в число клиентов Цезаря, но взамен должен быть готов оказать услугу, когда его попросят об этом.

Кальвин писал:

Вот твой шанс оказать услугу Цезарю, Митридат. Без сомнения, ты так же, как и все мы, обеспокоен вторжением в Понт твоего сводного брата. Его зверства в Амисе — прямой вызов всем цивилизованным людям. Войны — это необходимость, иначе они не случались бы, но цивилизованный военачальник обязан убрать мирных граждан с дороги военной машины и уберечь их от физического насилия. Голод и потеря крова во время военных кампаний неизбежны, но совсем другое дело — пытки, надругательства, горы отрубленных рук и ног. Фарнак — варвар.

Вторжение Фарнака поставило меня в трудное положение, дражайший Митридат, но я уверен, что смогу на тебя опереться. Я знаю, что тебе запрещено набирать армию, даже оборонительный гарнизон, но в нынешних обстоятельствах придется проигнорировать этот пункт договора. Я имею на то соответствующие проконсульские полномочия, которыми меня наделил сам диктатор.

Ты, вероятно, не знаешь, что Цезарь направился в Египет с очень малым войском. Он попросил меня как можно скорее прислать ему еще два легиона и военные корабли. Флот готов к отплытию, но ситуация позволяет отправить с ним лишь один легион.

Этим письмом я уполномочиваю тебя набрать армию и послать ее к Цезарю в Александрию. Не знаю, где ты найдешь солдат, ибо я сам прошелся по всей Анатолии. Но Марк Юний Брут, которого я оставляю в Тарсе, уже приступает к вербовке нового легиона. Ты же проверь южные окраины Сирии — лучшие в мире наемники именно из тех мест. Загляни и к евреям.

Получив письмо, Митридат Пергамский вздохнул с облегчением. У него появилась возможность показать новому правителю мира, насколько он ему предан.

— Я сам поведу армию, — сказал он своей жене Беренике.

— Разумно ли это? — усомнилась она. — Почему бы не послать с ней нашего сына?

— Архелай пусть справляется здесь. А я — сын великого воина и, надеюсь, кое-что от него унаследовал, поэтому хочу командовать лично. Кроме того, — добавил он, — я долго жил среди римлян и кое-что смыслю в организации. Мой отец потерпел поражение лишь потому, что не имел такого опыта.

2

«О блаженство!» — такова была первая реакция Цезаря на внезапное избавление от провинции Азия, Киликии и неизбежного сонма легатов, чиновников, плутократов и местных этнархов. С собой в Александрию он взял лишь Публия Руффия, одного из самых ценных примипилов периода Галльской войны, возведенного после Фарсала в легаты. Этот молчаливый человек никогда не мечтал о том, что однажды составит компанию своему командующему.

Люди действия могут быть и мыслителями, но их мыслительный процесс происходит в движении, в круговерти событий, и Цезарь, который ненавидел бездеятельность, использовал для работы каждый свободный момент. Покрывая сотни, ино-

гда тысячи миль от одной провинции до другой, он держал при себе хотя бы одного секретаря и даже в грохочущей двуколке, запряженной четырьмя мулами, беспрестанно диктовал несчастному. Только женщины или музыка вынуждали его время от времени прерываться. Он был страстным меломаном.

Но во время этого четырехдневного морского перехода из Тарса в Александрию при нем не было ни секретарей, ни музыкантов. Цезарь очень устал. И понял наконец, что он должен отдохнуть — подумать о других вещах, а не о том, где будет следующая война и случится следующий кризис.

Думать о себе в третьем лице давно стало его привычкой. И даже необходимостью. Способом отстраняться от внутренней боли, от ее лютой, горечи, неизбежности. Цезарь — это Цезарь, а «я» — это «я». Нет «меня» — нет и боли.

Это ведь Цезарь завоевал Длинноволосую Галлию для Рима, но ему не позволили мирно носить свои лавры. И то, что на протяжении всей жизни спускали Помпею, не сошло с рук Цезарю. А все из-за злобной кучки сенаторов, именующих себя *boni*. Эти «добрые люди» поклялись сбросить Цезаря с пьедестала, раздавить его, отправить в вечную ссылку и навеки стереть его законы со всех таблиц. Возглавляемая Бибулом и громко твякующей дворняжкой Катонем, эта свора превратила жизнь Цезаря в постоянную борьбу за выживание.

Почему?

Конечно, он понимал почему. Но чего он не мог понять, так это логики *boni*, чьи поступки и мысли были невероятно глупы. Не было смысла убеждать себя в том, что, если бы он смягчился и не стал бы выставлять на посмешище их глупую несостоятельность, они тоже оставили бы попытки свалить его. У Цезаря был характер, и Цезарь не терпел дураков.

Бибул. Это он положил начало вражде во время осады Митилен на острове Лесбос тридцать три года назад. Бибул. Он был таким маленьким и пышущим злобой, что Цезарь как-то поднял его и посадил на высокий шкаф, посмеялся над ним и выставил его дураком перед товарищами.

Лукулл. Лукулл командовал взятием Митилен. Это он пустил слух, что Цезарь получил флот от дряхлого царя Вифинии, переспав с ним. Грязная ложь, которую *boni* годы спустя снова

вытащили на свет и использовали на Римском форуме как часть своей грязной политической кампании. Если им верить, их политические противники ели фекалии или насильовали своих дочерей, а вот Цезарь подставил свою задницу царю Никомеду. Только время и разумный совет матери положили конец этим слухам. Лукулл, погрязший в отвратительнейших пороках. Лукулл, близкий друг Луция Корнелия Суллы.

Сулла. Став диктатором, он освободил Цезаря от ужасного жречества, которое Гай Марий возложил на него в тринадцать лет, — жречества, запрещавшего ему носить оружие и видеть смерть. Сулла назло умершему Марию снял с Цезаря обет и послал девятнадцатилетнего юношу на Восток. Верхом не на коне, а на муле, и не к кому-нибудь, а к Лукуллу, который сразу его невзлюбил. В ближайшем сражении он поставил новичка в первые ряды, надеясь, что вражеские стрелы настигнут его. Но Цезарь вышел из боя с *corona civica* на голове. Этим венком из дубовых листьев награждали за исключительную личную храбрость, причем это делалось так редко, что награжденный имел право носить венок во время всех публичных мероприятий и все без исключения должны были вставать при его появлении и аплодировать. И Бибул тоже был вынужден вставать и аплодировать Цезарю каждый раз, когда собирался сенат! Кроме всего прочего, дубовый венок давал Цезарю право стать членом сената, хотя ему было только двадцать лет, — другим приходилось ждать до тридцати. Однако Цезарь уже побывал в сенаторах: особому жрецу, фламину Юпитера Всеблагого Всесильного, автоматически открывался путь в сенат. Это означало, что из пятидесяти двух лет своей жизни тридцать восемь Цезарь был сенатором.

Делом чести для Цезаря было получать каждую магистратуру в установленный для патрициев срок, и самое главное — без взяток. Если бы он давал взятки, *boni* вмиг растерзали бы его. Цезарь с достоинством шел к своей цели, как и положено человеку из рода Юлиев, прямому потомку богини Венеры (через ее сына Энея) и бога Марса (через его сына Ромула, основателя Рима). Марс — Арес, Венера — Афродита.

Мысленно Цезарь вернулся на шесть рыночных интервалов назад, когда он стоял в Эфесе перед своей статуей, воздвигнутой на агоре, и читал надпись на постаменте: «ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ, СЫН ГАЯ, ВЕЛИКИЙ ПОНТИФИК, ПОБЕДИТЕЛЬ,

ДВАЖДЫ КОНСУЛ, ПОТОМОК АРЕСА И АФРОДИТЫ, ИЗБРАННИК БОГОВ И СПАСИТЕЛЬ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА». На каждой рыночной площади между Олисиппоном и Дамаском высились статуи Помпея Великого (правда, после его поражения при Фарсале их поспешно снесли), но не было ни одной статуи человека, который мог бы претендовать на божественное происхождение, тем более числить своими предками Ареса и Афродиту. О, на каждой статуе римского завоевателя написано, что он избранник богов и спаситель человечества. Это обычный для Востока хвалебный штамп. Но что действительно было важно для Цезаря, так это родословная, и здесь Помпей, галл из Пицены, ни на что не мог претендовать. Он считал своим предком родоначальника племени пиценов дятла Пикуса. Зато родословную Цезаря, представленную на его статуе, мог видеть весь Эфес.

Цезарь плохо помнил своего отца, вечно отсутствовавшего по делам службы. Потом он умер. Смерть настигла его, когда он наклонился поправить ремень на обуви. Странная смерть. Таким образом, в пятнадцать лет Цезарь стал главой семьи — *paterfamilias*. Мать, Аврелия Котта, вынуждена была взять на себя и отцовские функции. Строгая до суровости, твердая, сдержанная, но всегда способная дать дельный совет. Для сенаторского статуса род Юлиев был очень бедным, денег едва хватало, чтобы удовлетворять цензоров. Хорошо еще, что Аврелия владела инсулой — доходным домом в Субуре, одном из самых неблагополучных районов Рима, и семья жила там, пока Цезаря не избрали великим понтификом и он не перебрался в Государственный дом, содержавшийся за счет Республики.

О, как Аврелию беспокоили его безрассудные траты, его безразличие к гигантским семейным долгам! В какие страшные обстоятельства загоняла его неплатежеспособность! Зато потом он завоевал Длинноволосую Галлию и поправил свои финансовые дела. Так удачно, что сделался даже богаче Помпея Великого, хотя и не перещеголял в этом Брута. Усыновленный Сервилием Цепионом, тот стал наследником золота Толозы, и это сделало его желанным женихом для Юлии, пока в нее не влюбился Помпей Магн. Политическое влияние Помпея было нужно Цезарю больше, чем деньги Брута, поэтому...

Литературно-художественное издание

КОЛИН МАККАЛОУ
ПАДЕНИЕ ТИТАНА,
ИЛИ ОКТЯБРЬСКИЙ КОНЬ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Редактор Татьяна Шушлебина

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Михаила Львова

Корректоры Валерий Камендо, Наталья Бобкова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.12.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 58. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-BBH-25825-01-R